

НИК ПЕРУМОВ

ВОЙНА АНГЕЛОВ ВЕЛИКАЯ ПУСТОТА



Сказки Упорядоченного

Миры Упорядоченного

Ник Перумов

Война ангелов. Великая пустота

«Феникс»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Перумов Н.

Война ангелов. Великая пустота / Н. Перумов — «Феникс»,
2019 — (Миры Упорядоченного)

ISBN 978-5-222-38887-7

Неспокойные времена грядут в благословенной Долине магов. Гильдия боевых магов достигла своего расцвета: заказы из разных миров сыплются один за другим, другие Гильдии требуют сопровождения в путешествиях, а боевых магов на всех не хватает. Однако законы Долины, установленные самими Основателями, запрещают любое расширение. Тогда Ричард д'Ассини, глава Гильдии, призывает изменить закон. Так Клара Хюммель, боевой маг по найму, попадает меж двух огней – в конфликт между своей Гильдией и Архимагом Долины Игнациусом Коппером. А в это время далеко отсюда молодой ловец магических тварей по имени Эварха получает крайне необычный заказ. И никому невдомек, что эти события тесно связаны, и приведут они к настоящей катастрофе...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-222-38887-7

© Перумов Н., 2019
© Феникс, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ник Перумов

Война ангелов. Великая пустота

© Перумов Н., 2019

© Оформление. ООО «Феникс», 2022

* * *

Пролог

Топот ног за тяжёлой дубовой дверью; топот быстрый – кто-то несётся по ступеням во весь опор.

Сухопарый немолодой человек в очень светлой сутане поднялся из-за письменного стола, ровным шагом подошёл к арчатому входу, спокойным движением отодвинул засов.

– Владыка! Досточтимый магистр!..

– Что такое, сыне? В чём дело, что взволновало тебя? Входи же, входи скорее!..

– Отче, отче магистр, – кадык говорившего судорожно дёрнулся. – Простите меня, недостойного, Спасителя ради... Подземелья, владыка! Подземелья!..

– Так. Спокойнее, сын мой. Разве достойно подобное верного слуги Спасителя? Что стряслось с подземельями?

– Там, там, владыка! Там такое!.. Нестроенье, сила незримая бушует!

Магистр едва сдержал дрожь в пальцах. Случись здесь по-настоящему хитроумный отец Бенедикт, или местный епископ, или, скажем, старый лис, настоятель столичного монастыря святого Огня, – непременно бы это углядели.

И, конечно, насторожились бы.

Потому что все хотят получить обещанное, но даже вернейшие из верных могут дрогнуть.

Однако весть принёс незнакомый монах, молодой, тощий, перепуганный и к тому же заметно робевший высокоучёного магистра, – он, само собой, ничего не заметил.

Хозяин кабинета не спеша вернулся к столу, смуглые пальцы с преувеличенной аккуратностью переложили перо.

– Как имя твоё, сын мой?

– Брат Антоний, отче, – дрожал новоприбывший. – Послушание своё прохожу в вивлиофике монастырской, хранилище у нас в подземелье, и там – там стены трястись ка-ак почали!.. И по ним, по стенам, то есть – ой, потёки, красные такие, ну чисто кровь!.. Книги сами собой с полок валяются!.. А ещё... вот.

Монах, не смея поднять глаз, протянул магистру обрывок пергамента – неровный, исчерканный и испятнанный; на таких писцы обычно пробуют чернила с красками.

Посередине обрывок опалило огнём, и в копоты насквозь прожжено было одно-единственное слово: «Грядущ».

Магистр повертел листок, и обугленные края букв посыпались на пол невесомыми чёрными хлопьями.

Да. Всё точно. Воистину грядёт.

От пергамента прямо-таки разило Силой. Чистой. Беспримесной. Яростной. Той Силой, которой Спаситель некогда творил чудеса, сойдя в Игнис, той, которая после мученической Его кончины наполняла Его храмы по всей земле.

Той Силой, которую они ждали.

Силой Последних Дней, конца старого порядка и началом совершенного иного бытия для всех.

– Не дрожи так, сын мой, – мягко улыбнулся магистр. – Долг свой ты исполнил, доложил всё как подобает. Скажи теперь – когда это началось? Недавно, так?

– Как к обедне прозвонили...

Магистр кинул мимолётный взгляд в стрельчатое, забранное затейливым переплётom окно – солнце ещё и не начинало клониться к закату. Да, верно, совсем недавно.

– Извещал ли ты об этом ещё кого-нибудь, брат Антоний? Отца настоятеля? Старшего келаря? Или хотя бы первых встречных?

– Н-нет... – задрожал несчастный библиотекарь. – Я ж сразу понял, владыка, дело неотложной важности! Только вы и разберётесь, доброе то знамение или... или... Дни Последние грядут... Знамо ведь, для чего труды все наши да чего ожидаем со смирением...

Ишь ты, «известно ему» да «чего все ждут»...

Магистр, впрочем, ничем не выдал насмешки. Значит, о случившемся ещё никто не знает, ни настоятель, ни кто-то ещё, кроме одного лишь брата Михаэля, несшего бессменную стражу у дверей своего патрона – но Михаэль вернее могилы.

И это хорошо, ибо сказано – «в Дни Последние сыщутся нетвёрдые духом и верой даже и среди тех, кто выше иных поднялся; ибо слишком много сил тратят таковые на сам подъём, забыв, ради чего к Небу стремиться должно изначально».

Не следует сеять сомнения и умножать колебания. И без того не все в Церкви едины в толковании святого Серапиона, не все одобряют затеянное, если не явно, то тайно, и магистр об этом знал. Как знал и то, что многие и многие слуги Спасителей счастливы принять высокую судьбу избранных воинов Его, в чём бы она ни состояла. Вот брат Антоний – наверняка из их числа, только больно уж худ и болезненно бледен... Магистр вздохнул. Всё, что Спаситель ни делает, – к лучшему. Плоть человеческая слаба, и не всякий желающий сделается воином Его, но сможет послужить общему делу по-другому.

– Что ж, – магистр аккуратно собрал свитки, – пойдём, сын мой, покажешь, что там у тебя творится. Нет, не сюда – слишком долго спускаться. Есть другой путь.

Окажись брат библиотекарь хоть чуток старше или умнее, то наверняка бы насторожился; но монашек Антоний, растерянный, весь в красных пятнах от волнения, только кивнул.

Магистр указал на открывшуюся прямо в стене покоя винтовую лесенку, ведущую куда-то вниз, в пыльную темноту.

Взял из ржавого кольца на стене заранее приготовленный Михаэлем факел – Михаэль всегда следил за этим – и ступил на узкие крутые ступени. Библиотекарь шаркал следом, придерживая полы, бормотал едва разборчиво:

– Я ведь недавно в должности-то, как отец Натаниэль помер, упокой Спаситель его душу... Ещё не всё в порядок привёл, у нас ведь, знаете, отче, есть тома и зачарованные, даже Писания... к ним ведь подход нужен, отче магистр... особенно если копировать... А как вы прибыли да как отец настоятель сказал, что у нас в монастыре знамение может случиться, так я их все запер покрепче, есть у нас в винном погребе каморка... чтобы, значит, не было от них вреда... Отче магистр, отче, но что же это выходит – Последние Дни наступают? Он является, Он грядёт? И мир наш утонет в огне очистительном? И спасутся лишь избранные Им?

Да. Этот монашек может, и знает Писание как свои пять пальцев, и речения святого Серапиона читывал с толкованиями, но дух его слаб, да и тело немощно. Что ж, отлично. Это облегчает дело, сильно облегчает...

– Владыка, отче, но как же так, если то и впрямь Дни Последние, если это знамения конца...

– Мы пришли, – перебил магистр, поднимая факел повыше.

– А... э... владыка... но... нам же в книгохранилище! – брат Антоний уставился на своего спутника, от волнения вцепившись в клочковатую бородку.

– Верно, – одобрительно кивнул магистр. – Книгохранилище – во-он за той дверью. О нём не беспокойся. А нам с тобой – в противоположную сторону.

Не искушай слабых, не подвергай их испытаниям, кои не по силам. Не смущай их души, не воздвигай ненужных преград на пути их к великому Спасению и Возвышению.

Сохраняй тайну – до срока.

Магистр решительно шагал по узкому, сдавленному желтоватыми каменными стенами проходу – свет от факела, трепещущий, неверный, не столько разгонял тени, сколько заставлял их кривиться и плясать под ногами.

Совершенно сбитый с толку брат Антоний брёл следом, недоумённо бормоча:

– Отче, нам ведь вивлиофика нужна, отче! Зачем мы сюда?.. В другую сторону надо!

Магистр не слушал – уверенно шёл вперёд, высоко поднимая над головой факел.

Не прислушивайся к стенаниям слабых духом. Они не ведают своего счастья.

Наконец коридор упёрся в решётку: толстенные, тронутые ржавчиной прутья уходили в стены и пол, за ними небольшая камера – не камера, а скорее каменный мешок, настоящий колодец; потолок терялся в вышине, вниз из крошечного окошка падал тусклый луч позднего дня.

Факел, угасая, зашипел в ведре с водой, словно задушенный; магистр крепко взял брата Антония за плечо. Подвёл вплотную к решётке:

– Гляди, сын мой, гляди! Во все глаза гляди! Мало кому счастье такое выпадало, до срока лицезреть одного из Них!

Брат библиотекарь побелел как извёстка. От страха бедняга совсем потерялся – стоял, вцепившись в локоть магистра, бормотал трясущимися губами:

– Отче наш Спаситель... Помилуй чад своих... Избави от порождений мрака и лукавства... И-избави...

И было тут, от чего побледнеть.

В камерке, на небольшом каменном возвышении, застыло тело: куда крупнее человеческого, жемчужно-белое, светящееся мягким молочным светом в рассеянном луче, падавшем сверху. На первый взгляд его словно бы окутывал саван, но то был не саван – сложенные крылья, укрывающие создание с головы до пят. Точёное, не по-людски прекрасное лицо запрокинуто, глаза закрыты, грудь не движется. Однако от этого вроде бы безжизненного тела исходила такая мощь, что сам воздух в коридоре искрился белыми мелкими сполохами.

Брат Антоний повернулся к магистру, в глазах плеснуло безумие:

– Ч-что это?!

...Лишь то знание способствует Спасению, кое может быть воспринято внимающим.

– Это, сын мой, и есть Знамение. Знамение грядущих Последних Дней и великого Спасения. Сие есть одна из частей Его, Спасителя грядущего и милосердного, наше оружие и благословение против мрака и ереси. Беспокойство в твоей библиотеке означает, что Он грядёт. Зри!

С этими словами магистр снял с шеи серебряную Спасителю Стрелу, висевшую на тонкой серебряной же цепочке – Стрелу, каковой Он, как известно, поражает всяческие пороки, ереси, мрак и обман. Решительно взмахнул рукой – поперёк решётки лёг крест, символ Его конечной победы. Полыхнуло белым, лицо обжёл порыв горячего ветра. Толстенная решётка исчезла, будто её и не было.

Брат Антоний затрясся, а магистр улыбнулся. Его, как и раньше, как и всегда, затопил восторг – восторг, какой, бывает, охватывает человека в самом сердце бури, когда молнии рвут небо и ветер гнёт деревья. Уже не оставалось места сомнениям и страху. Только восторг, только вера, такая же яростная, чистая и всеуничтожающая, как и сила заточённого в камере существа.

Существа, некогда бывшего таким же, как и он сам.

Но знание это – не для всякого. Даже среди избранных найдутся отступники; даже среди отмеченных Печатью Спасителя окажутся те, кто отпадёт, стоя уже на самом пороге жизни вечной.

– О-отче... Смилуйся...

Раздался шорох – брат библиотекарь сделал попытку упасть на колени; железная рука магистра ухватила его шиворот, удержав.

Существо в камере шевельнулось, медленно село; крылья слегка разошлись, открывая бесполой торс. Веки медленно поднялись, и на прищельцев взглянули громадные, нечеловеческие, завораживающие глаза.

Глаза, в которых жил Свет. Свет – и ничего больше.

– Иди, сын мой, – магистр легонько подтолкнул несчастного юношу. – Иди. Участь твоя высока. Ты – любимое чадо Спасителя и сегодня же будешь с Ним.

– Н-не-нет...

Свет глядел на них безмолвно, ждуще. Брат Антоний дрожал, ноги подгибались; магистру пришлось едва ли не впихивать монашка в камеру; а затем, едва тот оказался внутри, магистр начертал Стрелой запирающий символ – решётка вернулась на место. Впрочем, ненадолго. Теперь – ненадолго.

Там, за решёткой, поднималась, расправляя крылья, высокая светящаяся фигура, нависала над маленьким, упавшим на колени человеком. Пробудившемуся требовались силы.

Магистр отвернулся, в полной темноте двинулся обратно по коридору. Для того, кто владеет искусством Святой магии, её высшими степенями, грубый светоч не нужен.

Значит, думал он, пробудился ещё Один. Из всех Спящих остался последний; впрочем, и его черёд уже близок. Но скоро, скоро и он проснётся, и тогда...

Коридор осветила белая безмолвная вспышка.

– Призри, Отче Спаситель, душу раба твоего Антония, долг свой великий исполнившего, – пробормотал магистр.

Осенил себя Спасительным благословением, коснувшись четырьмя пальцами лба, быстро зашагал прочь.

В конце концов, требовалось проследить, чтобы «нестроения в вивлиофике» угасли бы, как и положено, после того как одно из существ Света получило пищу. Пища доставлялась им с отменной регулярностью, но прежде таких манифестаций не случалось и, само собой, требовалось убедиться, что там всё в порядке.

Кроме того, воинство Спасителя растёт числом, однако ему требуется Предводитель. И вот тут дело пока продвинулось не слишком.

Магистр поднимался по лестнице.

Все предыдущие попытки сотворить Начальствующего терпели неудачу. Понятно, что Спаситель так испытывал верность своих преданных слуг, однако другие магистры – и особенно Великий, первый среди равных, – могли усомниться. Дрогнуть. Даже отпасть.

И тогда он бы отвечал перед Ним не только за самого себя, но и за всех, кого утянула с собой его нерасторопность.

Ибо высокоучёный магистр знал – его путь верен. Откровения святого Серапиона поняты, увы, далеко не всеми. До сих пор усилия монастыря Сил Святых заканчивались ничем, после очередной неудачи и гибели трёх высокоучёных братьев (они вознеслись ко Спасителю, и магистр от всего сердца радовался за них; но дело претерпело немалый ущерб, и тем самым всеобщее Спасение хоть немного, но отодвинулось) – он самолично велел прекратить все работы и ждать.

Но, в конце концов, предложение отца Бенедикта казалось вполне разумным. Рискованно? – конечно.

Но великое Спасение требует и великого риска, и жертв. Как же иначе?

Магистр бегло заглянул в библиотеку. Он не ошибся – буйство святых сил прекратилось, Воин успокоился, получив вожденную пищу. Огненные письма угасали.

– Михаэль.

– Да, отче магистр?

– Пошлите весть отцу Бенедикту, к Силам Святым. Немедленно. Воинство рождается, пришла пора дать ему Начальствующего.

Глава 1

На сей раз поиск завёл Эварху в болото. Непроходимое и тропическое.

Не так-то легко, знаете ли, добывать хлеб насущный ловлей всякоразличных магических тварей, порой по желанию заказчика лезешь в такие дебри, куда и ворон костей не заносил. А уж какие создания попадают в сети – от одного вида оторопь берёт, не говоря уж о магической их силе! Поди такое поймай, да потом ещё доставь, куда просят. Но ежели хочешь прослыть лучшим на свете охотником на волшебных существ – не жалуйся.

Эварха и не жаловался.

Мир ему попался жаркий, влажный, перенаселённый. Жизнь бурлила, словно кусок соды в пиве, и ловцу пришлось изрядно постараться, чтобы в первый же день его самого бы не изловили; а также – не отравили, не опутали паутиной, не ухватили педипальпами и не уестествовали каким-нибудь особо болезненным образом. Местная фауна не отличалась склонностью к вегетарианству – да и флора, надо признать, не отставала.

Эварха был готов к трудному пути, да и как иначе при его-то занятиях? Но тут пришлось совсем лихо; к вечеру он выбился из сил, хотя и жару, и сырость обычно переносил легко.

Это его беспокоило. Заказ, который он взял, прямо скажем, мало какой охотник взял бы, будучи в здравом уме, – но и награду обещали царскую. Такую, что можно больше никогда работой рук не марать, если, конечно, жив останешься. Шутка ли – поймать настоящего Древнего бога, да желательно посильнее!

Потому-то ему сейчас следовало беречь силы, а не выматываться ещё до встречи с добычей.

Но мир словно чувствовал, за чем он пришёл, и сопротивлялся изо всех сил. Каждый шаг ловцу приходилось выверять по десять раз – под весело зеленеющим ковром из ряски и листьев скрывалась толща тёмной, пахнущей гнилью воды; Эварха вовсе не жаждал узнать, погрузится он с макушкой или нет.

В прозрачно-бурой глубине ходили плоские рыбы – пасти их не закрывались из-за длинных, игольчато-острых зубов. Над головой с отвратительным зудением толклись тучи мошек, от укуса которых кожа очень быстро чернела и трескалась. Эвархе хватило одного раза, чтобы с головы до ног облиться алхимическим репеллентом.

Пару раз ловец наткнулся на гнёзда болотных змей; от весьма мучительной гибели спасли только ботфорты доброй виверновой кожи, приобретённые как раз на такой случай. Оправдали каждый грош; в своё время он не поспешил, хотя гном-чеботарь, сквалыга, заломил цену втрое большую, чем за сапоги из самонаилучшей, намягчайшей юфти.

Да уж, воистину – подумал загодя, сделал запросто, как говаривал, бывало, его наставник в ловецком деле, старый Мелге. Ну хоть что-то хорошее, мрачно думал Эварха, отгоняя древком боевой косы весьма недружественно настроенную змеюку. Змеюка, вся раскрашенная ало-чёрно-золотыми полосками, намёков не понимала, с похвальным упорством пытается добраться до его плоти. Нет уж, голубушка, поищи закуску где-то ещё.

Первое правило в его деле – не потратишься на амулет или клинок сегодня, завтра друзья отдадут найденные на тебе золотые за твои же похороны. Если, конечно, будет что хоронить.

И если у тебя есть друзья.

Болотина тянулась, словно зелёная река, протоками среди островков, заросших джунглями. В лесу деревья, укутанные тёмно-зелёной листвой, опутанные лианами, возносились к самым облакам; там перепархивали птицы, крошечные как бабочки, и бабочки, огромные как птицы. Оттуда тянуло пряностями и прелью, доносились резкие крики неведомых зверей – охотившихся и убежавших, торжествовавших и погибающих в бесконечном круговороте жизни. В общем, туда Эварха не совался.

На закате, когда небо окрасилось нежно-оранжевым, он остановился. Ближайшие заросли превратились в сгусток резких теней, где вспыхивали и тут же гасли огоньки первых светляков; тащиться в темноте по здешним топям отважился бы разве что безумец.

Следовало отыскать место для ночлега – и хорошо бы так, чтобы добыча раньше времени его не учуяла.

Он двинулся вперёд, осторожно ступая по пружинящему травяному ковру. Совсем стемнело, только небо ещё оставалось прозрачно-зеленоватым, словно кусок льда. Над головой с тревожными криками носились ночные птицы – ловили мошкару. Темнота ловцу не мешала – он отлично видел даже в кромешном мраке подземелий; одно из немногих преимуществ его, полуэльфа, перед обычными людьми, – как и обострённый слух. И сейчас он насторожился, ловя малейшие шорохи и пiski, доносящиеся из зарослей, вздохи болотных газов в ряске, тихий плеск воды и странное поскрипывание.

Нет, хватит играть с судьбой в орлянку.

Поколебавшись, ловец таки решил остановиться.

В конце концов, тварь, за которой он пришёл, иногда покидала логово – иначе он не смог бы уловить её след, не нашёл бы никакими поисковыми чарами. Она может выползти и теперь, ночью, и попробовать уловить ловца, и этим тоже можно воспользоваться. Риск есть риск, главное – принять соответствующие меры. Червяку на крючке не больно весело, но такова работа, что приходится иногда побыть и приманкой.

Ловец провозился, пока тьма не сделалась совсем непроглядной. Прочертил не один, не три – пять отпорных кругов; расставил все девять оберегов, хотя редко когда распаковывал больше трёх-четырёх.

Выудил из заплечного мешка и надел на палец грубый железный перстень – вместо камня крохотный череп, смахивавший на эльфийский. Где Пустошник раздобыл эту редкость, ловец не знал. Да и знать не хотел, если по правде.

Теперь можно ждать – или рассвета, чтобы двинуться дальше, или ночного визита добычи. Расстелена подстилка – хоть и не вывернутой кожи, как сапоги, но с наложенными на неё водоотталкивающими чарами; ловец лишней раз нанёс репелленты, подложил под голову свёрнутое одеяло и приказал себе спать.

Он всегда умел засыпать и просыпаться по внутренней команде; но сейчас, против всех ожиданий, заснуть удалось далеко не сразу.

Перед ним одно за другим вставали видения – как и положено, смутные, нечёткие; и были они, км, более подходящи для подростка, едва задумавшегося о прелестях противоположного пола.

Нет, не то чтобы Эварха был бы особенно против подобных снов и не то чтобы девушки совсем не дарили его вниманием; но, проклятье, не сейчас же! И не здесь!.. Откуда это взялось?

Наконец он сдался. Зло выдернул осургученную пробку, глотнул из пузырька горьковатой настойки.

Ему требовался сон. Настоящий, глубокий.

Но даже тройной силы экстракт сонника широколистного, дрём-травы и драконьей отрады оборол бесстыдные видения далеко не сразу. Однако – всё же оборол.

* * *

Ночь прошла безо всяких происшествий; надо сказать, ловец даже ощутил некое разочарование. Если бы Древний попёр на него дуром, взять его было бы, пожалуй, несколько легче, – значит, совсем почти не соображает, а просто жрать хочет.

Этот не попёр и не полез.

Что ж, придётся, как говорится, «по-плохому».

Гнус с рассветом куда-то делся; и то дело, хвала Спасителю нашему, как говаривали монастырские наставники.

Эварха медленно и тщательно собрал все талисманы и обереги; торопиться ему теперь некуда, впереди долгий душный день.

Тянущийся сквозь болота след обрёл полноту и яркость; Эварха знал, что тот, за кем он пришёл, по-прежнему силён и не утратил полностью свои изначальные ярость с мощью. Скверно, ловец предпочёл бы не столь шустрюю дичь. Пусть подвиги творят рыцари всяко-различных орденов, это их стезя, им и погибнуть не обидно во славу чего-нибудь важного. А Эварха хотел выжить и заработать.

Первую стражевую линию он засёк ещё до того, как почуял укывище Древнего за очередным островком леса. Железный перстень с черепом, всю ночь дремавший на пальце ловца, отработал аванс – поднял тревогу за добрую дюжину сажений.

В чёрных дырочках глазниц вспыхнули два алых огонька, крошечные челюсти защёлкали, череп затрясся в оправе – похоже, норовил выскочить и покусать всех, не успевших унести ноги.

– Уймись, не по тебе пташечка, – проворчал ловец.

Алые огоньки поднялись и опустились – словно череп закатил глаза. Мол, а то я не знаю.

Эварха, само собой, никакой стражевой линии не видел и магическим поиском нащупать её не мог – не на того ставлена, ну да и пусть.

Не торопясь, он отыскал место посуше, остановился, вогнал в колышущийся под ногами мох древко боевой косы. Отдышался – сейчас пойдёт работа посерьёзнее войны с мошкаррой да водяными змеями. Порылся в битком набитом заплечном мешке, извлёк круглую серебряную шкатулку, сплошь покрытую вычеканенными листьями и цветами – модницы в таких держат пудры с притираниями; среди снаряжения ловца вещь эта смотрелась странно.

Но, кто бы её ни сделал, дело своё он знал: в цветах и листьях крылась серьёзная магия, явно позаимствованная у эльфов.

Коробочка запиралась на маленький, но весьма крепкий замок безо всяких признаков замочной скважины, однако ключ у Эвархи был.

Череп в перстне клацал зубами и вращал алыми буркалами так, что ловцу сделалось не по себе. Работает, однако, штуковина, не врал старый хрыч с Пустошей, не зря Эварха отвалил ему столько звонкой монеты – полновесных золотых Вольного города, на какие иной ремесленник мог бы год прожить припеваючи; и это только за временное пользование амулетом! Хорошо бы, чтоб и остальное так же сработало.

Череп немедленно впился зубами в серебро. Голубоватая вспышка, щелчок – ловец едва успел отдёрнуть палец с драгоценным перстнем – и крышка резко отскочила, выпуская из шкатулки облачко сизого тумана.

Облачко на глазах уплотнилось, сгустилось, бешено клубясь, опустилось на ряску, даже не потревожив её; в нём и сквозь него проявились очертания травы и листьев, как две капли воды похожие на те, что были на крышке.

А затем призрачные заросли раздвинулись, из них появилось существо, разом напоминающее и скорпиона, и крысу. Миг спустя полупрозрачный крысокорион заскользил к невидимой стражевой линии, бодро перебирая членистыми лапками, поводя розовым носом с усами и пощёлкивая вздетыми клешнями.

Замер – клешни разведены, закинутый на спину хвост с жалом дрожит как в лихорадке.

Надо же, думал Эварха, наблюдая за ним с великим интересом – эк ловко встраивается!.. Призрачное создание нащупало стражевую линию, сейчас густо заросшую столь же призрачными травами, деловито грызло её, замещая уничтоженное собой, словно всегда так и было.

Ловец, весьма чуткий к магии, не ощущал никакой, даже слабенькой волшбы, даже эха не чувствовал, словно творившееся тут было самым обычным делом. Да, коробочка своих денег стоила, жаль, второй раз в ход не пустишь.

Крысоторпион довольно долго сопрягал свои чары с чарами прочерченной Древним границы; а закончив, широко распахнул пасть, полную мелких и острых зубов, будто разломил голову надвое.

Пасть стала расти, а тело – уменьшаться; очень скоро перед Эвархой остались одни только челюсти, похожие на небольшие воротца, украшенные сверху и снизу частыми треугольными резцами, местами в два и в три ряда. За воротцами продолжалось всё то же болото и те же островки леса. Те, да не совсем те – дальше тянулись владения Древнего бога, ослабевшего за бессчётные века забвения, почти обезумевшего от одиночества, но живого и вполне способного оторвать ему, ловцу, голову.

Хороший Древний. Славный Древний. Сильный.

То, что Эвархе и заказывали.

В конце концов, раз этакое чудо заказали именно ему, значит, он и впрямь лучший из лучших.

Профессиональная гордость, так её и растак.

Череп в перстне всё никак не мог успокоиться, алые огоньки крутились в орбитах, зубы клацали, и ловец, стараясь унять своенравную вещицу, погладил её пальцем по темечку. Череп немедля закатил глаза и утих, словно сытый кот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.